

УДК 572

Г.А. Аксянова

ИТОГИ РАСОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБСКИХ УГРОВ

Рассматриваются антропологические особенности локальных популяций ханты и манси Западной Сибири. Рассмотренные материалы отражают межпопуляционные соотношения этнически хантыйского населения на протяжении нескольких последних столетий.

Ключевые слова: антропология, обские угры.

Угорское население Урала и Западной Сибири находится в орбите профессиональных антропологических исследований с 70-х гг. XIX в. Еще на рубеже XIX–XX вв. И. Деникер в своей известной классификации человеческих рас предложил рассматривать особенности их физического типа в качестве отдельного «угорского типа». В числе его характерных черт были низкий рост, небольшие размеры тела, светлая кожа, умеренно темная окраска волос и глаз, прямые волосы, слабо выраженные монголоидные особенности лица, высокая частота вогнутой спинки носа. Значительным этапом раннего исследовательского периода стали работы Н.М. Малиева [1], И.П. Силинича [2–3] (по сборам Н.Л. Гондatti), С.И. Руденко [4], ряда зарубежных ученых. Все материалы выявили несколько положений, которые в дальнейшем полностью подтвердились и детализировались: 1) своеобразии антропологического комплекса обских угров, 2) его промежуточное положение между европеоидными и монголоидными по физическому типу популяциями коренного населения Евразии, 3) большое сходство популяций хантов и манси, 4) отчетливое различие с физическим типом ненцев. К настоящему времени количество полевых материалов и разнообразных антропологических сведений неизмеримо возросло. Обследования обско-угорских популяций проведены отечественными специалистами, преимущественно из учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Томска (Н.Н. Чебоксаров, Г.Ф. Дебев, Н.С. Розов, В.А. Дрёмов, А.Н. Багашёв, Г.Л. Хить, Г.М. Давыдова, Г.А. Аксянова, А.И. Дубов и др.). Эстонская исследовательница К.Ю. Марк в 1950–1960-е гг. провела крупномасштабное изучение мужского населения среди финно-угорских народов, в том числе среди зауральских групп хантов и манси [5].

Популяции хантов и манси, как и другие народы России и ближнего зарубежья, к настоящему времени изучены этническими антропологами по всем методическим программам: краниология, расовая соматология, дерматоглифика, одонтология, серология [6. С. 54–97, 214–242, 468–531, 655–678; 7–14]. Полевые и лабораторные исследования в относительно широком объеме проводились с конца 30-х гг. XX в. Они были ориентированы на изучение антропологического состава, расо- и этногенеза групп, вследствие чего выборки получены в сельской местности и охватили, как правило, этнически не смешанную часть популяции. Финно-угры стали одной из самых изучаемых в России лингвистических общностей. На межгрупповом евразийском фоне обследованные в XX в. локальные популяции хантов и манси объединяются типологическим единством по признакам физической внешности. Они рассматриваются обычно как наиболее яркие представители уральского

типа в составе уральской группы типов (то же «расы») или, по терминологии А.Н. Багашёва [15], в качестве уральского типа в составе западносибирской расы. Различные варианты именно уральской группы типов (расы) преобладают среди автохтонных народов Западной Сибири таежной и тундровой зоны. Они по многим показателям отчетливо занимают промежуточное положение между европеоидными популяциями Восточной Европы и североазиатскими монголоидами. Среди антропологов нет однозначного понимания границ распространения уральского антропологического комплекса черт, так же как его наименования и происхождения, но включение в него вариантов, распространенных у обских угров, никогда не оспаривалось.

Манси и ханты, представляя уральский тип, характеризуются следующим комплексом признаков: низкий рост (менее 160 см в среднем для мужчин), общая грацильность (миниатюрность строения), неширокая голова мезо- или долихоцефальная по форме и низкая по высоте, прямые мягкие черные или русые волосы, темные или смешанные глаза, заметно варьированный по группам процент монгольской складки века, прикрывающей слезный бугорок (эпикантус), различное по форме лицо средней высоты, с заметной уплощенностью и скуластостью, нос слабо или средневыступающий, в основном средний по ширине, преимущественно с прямой или вогнутой спинкой носа, с приподнятым кончиком и основанием, ослабленный рост бороды, относительно широкий рот и небольшая толщина губ, средневыступающий или убегающий подбородок.

Происхождение этой комбинации признаков является предметом научной дискуссии на протяжении нескольких десятилетий. Суть ее сводится к выявлению ведущего фактора в процессе расообразования уральского антропологического типа: была ли это метисация или преимущественное сохранение древней (протоморфной) комбинации, которая отличается как от типично европеоидной (западной), так и от типично монголоидной (восточной). Сейчас в антропологии все больше сторонников компромиссной точки зрения, т.е. признающей значительную роль каждого из этих процессов. Однако по-прежнему нет единого взгляда на эту проблему, а также на вопрос о генетической связи популяций обских угров с западным или восточным первичным очагом расообразования. Результаты по разным системам признаков, полученные к тому же в разных территориальных группах, дают часто неидентичные результаты межгрупповых соотношений. Возможно, что вопросы столь глубокой реконструкции расогенетических процессов неразрешимы без разновременных коллекций палеоматериала, которого нет из севернотаежных районов. Вполне возможны и неодинаковые решения для разных локальных популяций.

Своеобразие того промежуточного евро-монголоидного комплекса, который отмечался в Приуралье, Поволжье, Западной Сибири и с 1920-х гг. известен под целой гаммой близких названий, в частности уральского типа (расы), обусловлено, вероятно, спецификой уже составных его компонентов и условий формирования. В качестве западного компонента в процессе его формирования выступал, по-видимому, какой-то северный ослабленно европеоидный тип со светлой пигментацией волос и глаз. Это был, видимо, особый депигментированный древнеуральский тип, черты которого мозаично представ-

лены у современных финно-угров [16]. Именно с этим пластом можно связать научные представления о древних уральцах. В качестве восточного компонента при формировании уральского типа выступал, вероятно, тоже специфичный своей низколициестью монголоидный тип (катангский тип по Дебецу, или среднесибирский по Рычкову) [17]; с наибольшим удельным весом он представлен, видимо, у ненцев. В настоящее время документировано наличие и южных элементов в характеристике обских угров, которые исследователями идентифицируются с южными европеоидами (ханты ХМАО, западные **и северные манси**), с центральноазиатскими монголоидами или представителями южносибирского типа (верхнесосьвинские манси), но чаще вопрос этот вообще не рассматривается. Очевидно, важную роль в формировании уральского типа сыграло не только смешение основных компонентов, но и фактор изоляции, порождаемый уникальными природными условиями Западно-Сибирской низменности. Именно изоляция способствовала сохранению у хантов и манси комплекса черт, который сформировался как адаптивный в таежных районах и уходит корнями в глубокую, возможно, неолитическую древность.

Селькупы, кеты и особенно ненцы представляют более монголоидные варианты уральской группы типов, чем большинство обских угров. Если древние угры продвинулись в Западную Сибирь из лесостепной полосы, то ассимиляция таежного населения носила более языковой и культурный характер, чем биологический. Современные ханты и манси антропологически ближе к восточнофинским народам (особенно к коми-пермякам), чем к родственным по языку венграм. Обские и дунайские угры антропологически настолько различны и настолько лаконично вписаны в массив окружающего их населения, что можно с большой долей вероятности говорить об их генетическом формировании преимущественно на территориях современного проживания.

Физический тип венгров довольно однороден и описан в качестве среднедунайского варианта карпатской зоны средневропейской расы [18]. Ни одна из венгерских локальных групп не обнаруживает комплекса уральских (или хотя бы «уралоидных») особенностей, так же как ни одна хантыйская или мансийская группы не приближается к среднедунайскому антропологическому варианту. В результате существует в настоящее время очень высокая степень разнообразия угорского лингвистического объединения. Она практически не отличается по среднеэтническим данным от уровня гетерогенности всего финно-угорского массива, при том, что обско-угорские этносы, напротив, являются в этом масштабе самой однородной совокупностью популяций.

Обские угры занимают в расовом отношении крайние восточные позиции среди всех финно-угорских этнопопуляций, что надежно свидетельствует об участии в их формировании населения со значительной долей североазиатских монголоидных компонентов. Некоторое фенотипическое сходство с южноазиатскими монголоидами, проявляющее себя общей грацильностью и тенденцией к альвеолярному прогнатизму, имеет конвергентный характер, о чем впервые ясно сказал В. А. Дрёмов [19].

По всем системам расовых признаков, описывающих ныне живущее население, манси и ханты, особенно территориально близкие группы, относительно слабо дифференцируются при увеличенной доле восточных (монголоидных) элементов у хантов. Комплексы двух обско-угорских народов, рассмотренные

как единое целое, ясно различаются с комплексами всех поволжско-приуральских финно- и тюркоязычных этносов. Только при очень широком евразийском сравнении по некоторым системам признаков (например, по измерительным признакам головы и лица для манси, по одонтологическим признакам) данные по обским уграм могут объединяться в общий кластер значений с восточноевропейскими финноязычными группами. Столь же очевидна по средним данным дифференцированность угорских и самодийско-тюркских народов Западной Сибири, при наименьших биологических расстояниях между крайними восточными группами хантов и нарымскими селькупам. В целом по евразийскому евро-монголоидному масштабу характеристика хантов и манси однотипна и является промежуточной между комплексами поволжско-приуральских финнов и соседних самодийских народов. Несмотря на признание в расогенезе финно-угорских народов все большей роли особой североевразийской формации (по Бунаку), или древнеуральского типа (по Давыдовой), или «пласта населения древнеуральского очага» (по Козинцеву), антропологи всех поколений и методических школ признают значительную роль древней метисации в формировании уральских расовых вариантов. В настоящее время очевидно, что районы Нижнего и Среднего Приобья на протяжении многих столетий служили местом оседания генетически различающихся групп населения, продвигнувшихся с соседних евразийских территорий. Эти укромные уголки западно-сибирской тайги стали ареной широкомасштабного, но исторически замедленного процесса инфильтрации разнородных малочисленных популяций, чей генезис определяли разнонаправленные факторы – изоляция, смешение и консервация специфического комплекса антропологических особенностей.

В современном полиэтничном населении западносибирской тайги представлен евразийский размах изменчивости черт физической внешности, что обусловлено поздними миграциями с запада и востока. Межэтническое биологическое смешение, которое более или менее активно идет в разные исторические периоды и широко затронуло обско-угорское население, является позитивным фактором как для адаптации мигрантов, так и для сохранения генетического здоровья аборигенных малочисленных групп. Путь изоляции для любых малочисленных групп – это путь их биологического вырождения вследствие объективного популяционно-генетического процесса гомогенизации и накопления в малой группе вредных мутаций. При биологическом смешении даже ясно различимых внешне популяций метисы, независимо от их этнической принадлежности, несут в среднем промежуточную комбинацию черт, пропорциональную доле инорасового компонента. В результате характеристики контактирующих групп населения сближаются. Так происходит постепенное и естественное изменение расового состава локальной популяции, этноса или целого региона. При этом этнический состав региона может оставаться неизменным. Антропологические признаки имеют большое значение для восстановления истории популяций, особенно бесписьменного периода.

В конце XX в. сельские популяции хантов и северных манси сохраняли характеристики уральского типа, т.е. тот антропологический комплекс, который был присущ их предкам по крайней мере в первые века проникновения русских в Сибирь и начала промышленного освоения территории. По-

следние десятилетия могут стать переломными для генофондов сохранившихся популяций обских угров, так как рост их численности идет в значительной степени за счет метисного населения. Преимущественная идентификация себя и своих детей с коренными западносибирскими этносами ведет к совершенно определенному биологическому последствию для этих популяций, а именно, к изменению антропологического типа в направлении усиления европеоидного (прежде всего северо- и восточноевропейского) компонента в его составе и ослабления уральского комплекса. Биологические последствия смещения быстрее всего могут отразиться на антропологических особенностях манси как более малочисленном и более урбанизированном народе по сравнению с хантами. Однако метисация сама по себе не является достаточным условием для полной ассимиляции группы как социально-этнической общности. Примером могут служить кондинские манси. Обратный, но исторически более ранний процесс – ассимиляция иноэтничного населения уграми при продвижении манси на север, а хантов на восток – хорошо прослеживается антропологическими маркерами. Есть основания допускать участие уральских по типу групп в сложении популяций на территории северной Башкирии и правобережья верхнего течения Печоры (вероятно, манси), а также в некоторых северных районах расселения тобольско-иртышских татар и ненцев (вероятно, ханты).

Несмотря на включение в единый тип локальных антропологических комплексов, которые фиксируются у обских угров, среди них имеются довольно разнообразные в генетическом отношении комбинации. Кроме того, два этноса заметно различаются уровнем внутриэтнической дифференциации. Отдельно остановимся на локальной изменчивости хантыйских популяций. Большинство антропологических данных свидетельствует об исключительном разнообразии хантов. В отличие от манси в их физических особенностях преобладает все же восточный (монголоидный) компонент. Внутриэтническая дифференциация локальных популяций определяется прежде всего долей этого компонента. Основной вклад в повышенный уровень локального разнообразия вносят периферийные группы, которые сближаются с соседними иноэтническими популяциями, преимущественно самодийскими (ненецкими и селькупскими). В относительно гомогенный массив включаются как северные нижнеобские, так и восточные ханты из правобережья Сургутского Приобья. Для хантов сел Полноват и Ванзеват Березовского р-на ХМАО характерно небольшое ослабление монголоидных особенностей внешнего облика при общем сближении с хантами пос. Казым. Специфично положение назымских хантов (пос. Кышик) как промежуточной группы между северными и восточными локальными популяциями.

Еще заметнее отклоняется очень своеобразная противоречивостью своего комплекса группа юганских хантов Угута, в которой предполагается наличие относительно более массивного селькупского (протоселькупского?) субстрата и какого-то южного грацильного компонента, возможно, общего с тюркоязычными популяциями. Во всяком случае, у них есть некоторое сходство с горными шорцами и чулымскими тюрками. Интересно, что какое-то своеобразное южное, умеренно монголоидное влияние ясно выявляется и зубным комплексом черт почти во всех группах левобережья Средней Оби благодаря присутствию с повышенной частотой дистального гребня. Ханты Васюгана сближаются при

этом с нарымскими селькупами и хантами Ваха. Восточные юганские ханты – промежуточная группа не только географически, но и антропологически между нижнеобскими и ваховско-васюганскими популяциями.

Ханты всех групп бассейна Средней Оби, как и нарымские селькупы, по всей видимости, регулярно пользовались зубами в качестве вспомогательного орудия труда. Об этом свидетельствует наблюдаемая в краниологических коллекциях на зубах взрослых мужчин и женщин искусственная стертость в виде гладко отполированной внутренней (обращенной к языку) поверхности здоровых верхних резцов. Можно предположить, например, такие процедуры, выполняемые с помощью передних зубов, как размягчение прутьев, бересты, веревки, шкурок, развязывание кожаных ремней и т.п.

У южных хантов низовьев Иртыша (р. Согом), в настоящее время ассимилированных, краниологи отмечают исключительно грацильный, с элементами протоморфности (архаики) комплекс. Наиболее близкие к ним группы – это ханты Салыма, Мужа и, кроме того, сборная группа северных манси. Все эти популяции характеризуют угорский вариант уральского типа западносибирской расы (по терминологии А.Н. Багашева). Данную совокупность отделяют от северо-западных (в устье Оби) и левобережных восточных популяций хантов бассейнов рек Балык, Большой Юган и Васюган, составляющих субугорский вариант того же антропологического типа. Северо-западные популяции (Халас-Погор, Обдорск, р. Сыня), сохраняя антропологическое своеобразие угорских популяций, имеют слабый сдвиг отдельных характеристик в направлении соседнего, более монголоидного по физическому типу, этнически ненецкого населения. Сынские ханты очень сходны с ляпино-сосьвинскими манси, но немного более монголоидны. Обе группы характеризуются противоречивым в расовом отношении зубным комплексом – сочетание довольно высоких частот восточных и западных признаков (лопатообразность резцов и бугорок Карабелли). Разные дисгармоничные варианты по этой системе признаков – вообще довольно типичное явление для лесных и лесостепных групп Западной Сибири и Восточной Европы.

Ханты Ваха – одна из самых своеобразных популяций, которая максимально отличается от средних по этносу значений. Она характеризуется большой массивностью головы и лица, сравнительно узким носом с небольшим нособровным расстоянием, повышением роста, а также выраженной брахикефалией, т.е. широкой головой, – в целом нетипичной для хантов. Это единственная во всем финно-угорском массиве выборка, которую без преувеличения можно назвать по измерительным признакам головы и лица монголоидной, причем – низколицей монголоидной; ее специфичность обусловлена, возможно, формированием на основе самодийского субстрата. Краниологи подчеркивают отсутствие прямых аналогий этому комплексу черт. В то же время внешние физиономические особенности лица, носа и глаз, признаки пигментации вполне типичны для хантыйских популяций и в этой группе.

Антропологические данные позволяют предположить, что известные науке хантыйские популяции генетически не вполне однородны. Они складывались на разной субстратной основе, активно контактируя с соседними этнокультурными общностями. В итоге оформилась картина взаимного проникновения генофондов в контактных зонах, несмотря на высокий уровень этнической эндогамии по раз-

ным диалектным группам. Наиболее разнообразны, очевидно, популяции восточных хантов, что указывает на основной вектор расселения хантыйского населения с запада, из районов Уральских гор, на восток. Тем не менее в масштабе даже Западной Сибири, не говоря уже о более широком географическом и антропологическом пространстве, большая часть хантыйских популяций по своим внешним физическим характеристикам включается в единый расовый массив уральского типа при минимальном различии с манси. Из представителей других лингвистических общностей ханты наиболее близки к южным (среднеобским) селькупам и некоторым таежным группам тоболо-иртышских татар. В целом это автохтонное население Нижнего и Среднего (Сургутского) Приобья, которое сохраняет некоторые специализированные, возможно древние, расовые характеристики.

Рассмотренные материалы отражают межпопуляционные соотношения этнической хантыйского населения на протяжении нескольких последних столетий. Специально проводившиеся антропологами и археологами сборы краниологических коллекций, обследования по разным программам современных популяций дали возможность получить достаточно полное и научное представление об особенностях генофонда хантов – этого коренного малочисленного народа Севера в общем составе населения России.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00212а.

Литература

1. *Малиев Н.М.* Вогулы // Русский антропологический журнал. 1901. № 1. С. 73–81.
2. *Силинич И.П.* Вогулы // Русский антропологический журнал. 1904. № 3–4. С. 94–115.
3. *Силинич И.П.* К вопросу об антропологическом типе населения Северо-Западной Сибири // Русский антропологический журнал. 1916. Кн. 39–40. С. 67–92.
4. *Руденко С.И.* Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири // Записки Имп.Акад.Наук. Сер. 8 по физ.-мат. отд. Петроград, 1914. Т. 33, № 3. 125 с.
5. *Mark K.* Zur Herkunft der finnisch-ugrischen Völker vom Standpunkt der Anthropologie // Eesti Raamat. Tallinn, 1970. 131 S.
6. *Единство* и многообразие человеческого рода. М., 1997. Ч. 1, 2.
7. *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998. 352 с.
8. *Антропология* современных финно-угорских народов. М., 2000. 268 с.
9. *Давыдова Г.М.* Антропология манси. М., 1989. 172 с.
10. *Моисеев В.Г.* Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб., 1999. 132 с.
11. *Этническая одонтология СССР.* М., 1979. С. 93–113.
12. *Хитъ Г.Л.* Дерматоглифика народов СССР. М., 1983. 280 с.
13. *Этнография* и антропология Ямала. Новосибирск, 2003. 392 с.
14. *Угры.* Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. 588 с.
15. *Багашёв А.Н.* Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1998. Т. 4. С. 303–327.
16. *Давыдова Г.М.* Древние антропологические типы в составе современного населения лесной зоны Восточной Европы // Единство и многообразие человеческого рода. М., 1997. Ч. 1. С. 214–242.
17. *Рычков Ю.Г.* Материалы по антропологии западных тунгусов // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. М., 1961. Т. 71. С. 242–268.
18. *Тот Т.А.* Соматология и палеоантропология населения Венгрии (в связи с проблемой происхождения венгерского народа): Дис. ... д-ра биол. наук. Будапешт, 1974. 454 с.
19. *Дрёмов В.А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск, 1997. 264 с.